

Научная статья

УДК 93/94

DOI: 10.25688/20-76-9105.2024.54.2.05

Омельянчук Игорь Владимирович

доктор исторических наук, доцент

Московский городской педагогический университет

Москва, Россия

omelyanchukiv@mgpu.ru; ORCID: 0000-0002-7535-2612

**ВЗГЛЯДЫ МОНАРХИСТОВ
НА РУССКО-ГЕРМАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
В НАЧАЛЕ XX В.**

Аннотация. Представители возникшего в годы Первой русской революции монархического лагеря изначально выступали за установление самых тесных отношений с полубабсолютистской кайзеровской Германией как носительницей «монархических начал» и против сближения с французской и английской «демократиями», пример которых, как полагали они, может вдохновить российскую оппозицию на изменение политического строя. В пользу союза с Германией, по мнению правых, говорили взаимовыгодная торговля, близость династий и отсутствие геополитических противоречий между империями. Однако одобренные Германией действия Австрии в период Боснийского кризиса 1908 г. немного охладили пыл сторонников прогерманской внешнеполитической ориентации и появились голоса, призывающие опасаться «тевтонского» милитаризма.

Начало Первой мировой войны вынудило монархистов отказаться от своих прежних взглядов и выступить в поддержку Антанты за полный разгром Германии. Однако либеральная оппозиция, нарушая принцип «священного единения» (отказ всех партий от политической борьбы до окончания войны) для дискредитации своих политических противников не постеснялась использовать довоенное германофильство правых в качестве предлога для обвинения их в стремлении заключить сепаратный мир с Германией и даже в пособничестве врагу. И хотя правые не давали для этого никаких поводов (если не считать выражение ими опасений по поводу гегемонистских устремлений Великобритании, что тоже подавалось либералами как неизжитое монархистами германофильство), умело проведенная оппозицией дискредитация провластных монархических партий принесла свои результаты: в «измену» правых (а с ними и в «измену» правительства) поверила не только российская общественность, но и союзники по Антанте, единодушно поддержавшие совершенный оппозицией Февральский переворот из-за опасений выхода России из войны.

Ключевые слова: Россия, Германия, Антанта, внешняя политика монархические партии, Первая мировая война, Февральская революция.

Для цитирования: Омелянчук И. В. Взгляды монархистов на русско-германские отношения в начале XX в. // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2024. № 2 (54). С. 60–79. DOI: 10.25688/20-76-9105.2024.54.2.05

Original article

UDC 93/94

DOI: 10.25688/20-76-9105.2024.54.2.05

Omelyanchuk Igor V.

Doctor of Historical Sciences, Associate Professor

Moscow City University

Moscow, Russia

omelyanchukiv@mgpu.ru; ORCID: 0000-0002-7535-2612

**MONARCHISTS' VIEWS
ON RUSSIAN-GERMAN RELATIONS
AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY**

Abstract. Representatives of the monarchical camp that arose during the years of the first Russian Revolution initially advocated the establishment of the closest relations with the semi-absolutist Kaiser Germany, as the bearer of “monarchical principles” and against rapprochement with the French and English “democracies”, the example of which, they believed, could inspire the Russian opposition to change political system. In favor of an alliance with Germany, according to the right, mutually beneficial trade, proximity of dynasties and the absence of geopolitical contradictions between empires spoke. However, the actions of Austria approved by Germany during the Bosnian crisis of 1908 slightly cooled the ardor of supporters of a pro-German foreign policy orientation and voices appeared calling for fear of “Teutonic” militarism.

The outbreak of the First World War forced the monarchists to abandon their previous views and come out in support of the Entente for the complete defeat of Germany. However, the liberal opposition, violating the principle of “sacred unity” (refusal of all parties from political struggle until the end of the war) to discredit its political opponents, did not hesitate to use the pre-war Germanophilism of the right as a pretext to accuse them of seeking to conclude a separate peace with Germany and even of aiding the enemy. And although the right did not give any reasons for this (except for their expression of fears about the hegemonic aspirations of Great Britain, which was also presented by the liberals as Germanophilism that had not been overcome by the monarchists), the skillfully carried out discrediting of the pro-government monarchist parties by the opposition brought its results: in the “betrayal” of the right (and with them and in the “treason” of the government) not only the Russian public believed, but also the Entente allies, who unanimously supported the February coup carried out by the opposition due to fears of Russia’s withdrawal from the war.

Keywords: Russia, Germany, Entente, foreign policy, monarchical parties, World War I, February Revolution.

For citation: Omelyanchuk I. V. Monarchists’ views on Russian-German relations at the beginning of the XX century // MCU Journal of Historical Studies. 2024. № 2 (54). P. 60–79. DOI: 10.25688/20-76-9105.2024.54.2.05

Введение. Вопросы внешней политики в соответствии с основными законами Российской империи относились исключительно к компетенции монарха. Однако неудачная для России война с Японией, следствием которой стали революционные потрясения 1905–1907 гг., продемонстрировала представителям всех политических сил степень влияния внешней политики (особенно нерезультативной) на внутривнутриполитические процессы. В результате тема международных отношений довольно прочно закрепились в общественно-политическом дискурсе России в предвоенный период. Даже монархисты высказывались по вопросам внешней политики, вероятно полагая, что, реализуя славянофильский принцип «земле — свободу мнений, царю — свободу решений», они нисколько не посягают на внешнеполитические прерогативы монарха.

Монархисты традиционно настороженно относились к парламентской монархии Великобритании и республиканской Франции и симпатизировали Германии, политическая система которой была наиболее близка к российскому самодержавию. Кроме того, дружественные отношения с Германской империей обеспечивали русским помещикам, игравшим заметную роль в правом движении, стабильные прибыли от экспорта зерна. Масштабный же импорт продукции германского машиностроения беспокоил лишь промышленную буржуазию, представителей которой в монархическом лагере практически не было.

Ход и результаты исследования. В 1906 г. обрусевший немец, барон М. Ф. Таубе в журнале «Мирный труд» опубликовал свою работу «Образование великодержавных единиц», посвященную проблемам геополитики. Там он доказывал, что будущее принадлежит «миродержавам» — объединившимся политически материкам. То, что Евразия со временем будет единой, он не сомневался, но вопрос, кто завершит это объединение — «варварский южно-азиатский», «западный романо-германский» или «средний греко-славянский мир», — М. Ф. Таубе оставлял открытым, полагая что основная борьба развернется между Россией и Германией. Но так как последняя не обладает «материковой существенностью» и составляет «всего одну седьмую часть западноевропейского единства», то она не может долго занимать самостоятельного положения в «строю мировых держав»¹. Таким образом, в 1906 г. он еще рассматривал как вполне вероятный сценарий борьбы за материковую гегемонию между Россией и Германией. Однако в начале 1907 г. М. Ф. Таубе уже доказывал, что Германия и Россия должны выступить вместе против Британии, стремящейся к мировой гегемонии: «России выгоднее продолжать дружбу с немцами в борьбе с английским китом, пока кит не угомонится на условиях славянского возрождения. Русский народ непосредственным чувством своим чует эту связь земельную и кровную с ближним соседом, неразлучным по материковому непосредственному сопрокосновению». С другой стороны, русское крестьянство, наоборот, «чувствует рознь с дальним заморским коварством... англичанина, обидчика буров-крестьян»².

¹ Таубе М. Образование великодержавных единиц // Мирный труд. 1906. № 3. С. 192, 193.

² Русское знамя. 1907. 25 января. № 19.

Особенно встревожило монархистов стремление Англии заключить союз с Россией в рамках Антанты. Летом 1907 г., когда этот процесс вошел в завершающую стадию, печатный орган Союза русского народа (СРН) газета «Русское знамя» задавалась вопросом: отчего «Англия ищет вдруг сближения с Россией»? По мнению газеты, сейчас Россия «вычеркнута из состава морских держав», однако «если она через пять десять лет возродится как таковая, то может легко случиться, что она пойдет, пожалуй, рука об руку с Германией и против той же Англии как общего врага... Вот этой-то комбинации, могущей произойти... в Лондоне бояться хуже огня»³. Таким образом, Российская империя должна стремиться к союзу с империей Германской против империи Британской. Член Государственной думы и лидер Русского народного союза имени Михаила Архангела (РНСМА) В. М. Пуришкевич также полагал, что целью сближения Англии с Россией является лишь взаимное ослабление Берлина на Западе и Петербурга на Востоке, «вздумавших препятствовать английской гегемонии»⁴.

Правый публицист К. Н. Пасхалов в своей работе «С Англией или Германией?» (1908) попытался выступить арбитром в споре колумниста «Нового времени», националиста М. О. Меньшикова, опасавшегося сближения с Англией из-за реакции Германии, и внепартийного правого публициста С. Ф. Шарапова, являвшегося поборником русско-английской дружбы. Разбирая их газетную полемику, К. Н. Пасхалов указал на стремление Великобритании к мировому владычеству, достичь которого ей может помешать только Россия. Установить своеобразный кондоминиум двух держав над миром не получится, «да и Англия вовсе не стремится к совладычеству с Россией, которую она в своей британской гордыне никогда не признает себе равной; она стремится к *исключительному* господству над миром»⁵. Еще одним препятствием к «мировой гегемонии» Англии стала возникшая в 1871 г. Германская империя. Таким образом, «у несомненно умных и дальновидных государственных людей Англии явилась мысль одно препятствие сокрушить другим и сделать попытку заставить Россию и Германию разбиться друг от друга и разом освободиться от обоих конкурентов»⁶. Следовательно, германо-русское противостояние в интересах одного лишь Лондона, но никак не Петербурга, заключал К. Н. Пасхалов.

Однако аннексия Боснии и Герцеговины, осуществленная 7 октября 1908 г. Австро-Венгрией, подорвала доверие к ее союзнику Германии и несколько поумерила пыл правых, выступавших за сближение со Вторым рейхом. Так, лидер Союза русских людей (СРЛ), князь А. Г. Щербатов в 1908 г. уже среди вероятных противников, наряду с Японией на Востоке, а также Турцией и Китаем на Юге, называл и Германию на Западе, подчеркивая, что «промышленно-торговое развитие Германии, захват ею английских, голландских, французских

³ Русское знамя. 1907. 7 июля. № 147.

⁴ Подробнее см.: *Иванов А. А.* Владимир Пуришкевич: Опыт биографии правого политика (1870–1920). М.; СПб., 2011. С. 223.

⁵ *Пасхалов К. Н.* Русский вопрос. М., 2008. С. 589.

⁶ Там же.

и русских торговых центров, рост ее коммерческого флота представляют собой проявления ее народной мощи, более опасные для ее соседей, чем ее армия и флот». Поэтому Россия, имея добрососедские отношения с Германией, «заведомо укрепляется и сосредоточивает на западной границе свои войска»⁷.

В 1909 г. член «Русского собрания» Ф. С. Хлеборад предлагал даже создать Всесветную лигу мира (союз Англии и Великой федерации славян во главе с Российской империей) для прекращения гонки вооружений и создания для России мирной передышки, чтобы восстановить силы «после несчастной войны и кровавой смуты»⁸. Вероятно, Ф. С. Хлеборад, видя реальную угрозу для России со стороны Германской империи, несколько позабыл о той роли, которую сыграла Великобритания в Русско-японской войне и поражении в ней России.

Однако об этом хорошо помнил В. М. Пуришкевич, еще в конце 1908 г. заявивший с думской трибуны, что в случае достижения соглашения с Британской империей лондонское правительство просто «нас надует» и «все кончится лишь к выгоде Англии». Поэтому вместо «кислой дружбы с Англией», которая однозначно «принесет нам только вред», он выступал за построение «самых прочных отношений с теми соседями, которые веками граничат с нами на многие тысячи верст»⁹, т. е. с Германией.

«Русское знамя» (номер от 1 июля 1909 г.) также предостерегло от «горячей любви, которой воспылали думские политиканы «кадюки» [кадеты] и «октябри» [октябристы] к английскому правительству». На своих страницах газета процитировала часть письма В. М. Пуришкевича, опубликованного в немецкой газете *Kreuzzeitung* и призывающего к союзу с Германией, а не с Англией, которая «переживает сейчас один из самых критических моментов в своей истории». По мнению правого политика, «охваченная паникой вследствие последних изобретений в области техники воздухоплавания, приблизившего ее недоступные берега к континенту», растерявшая свое морское могущество «вследствие роста морского могущества Германии... встревоженная промышленной конкуренцией в Европе Германии, Японии в Азии, Англия мечется в поисках не за союзником, а за тем государственным телом, которое могло бы стать орудием ее дипломатии на Востоке и на Западе, которое могло бы в самый критический для нее момент... принять на себя удар наиболее страшного для нее политического противника и тем отдалить час ее экономического и политического падения». Англия хочет столкнуть «кулаками» Россию и Германию «во славу... английской гегемонии на море и сохранения за нею рынков сбыта». Обе стороны этого конфликта, истощив друг друга в бессмысленной войне, таким образом, просто своими руками вынут каштаны из огня для Британской империи. Следовательно, заключал В. М. Пуришкевич, «кислая дружба с Англией,

⁷ Щербатов А. Г. Православный приход — твердыня русской народности. М., 2010. С. 110, 156, 109.

⁸ Хлеборад Ф. С. Объединение славян — залог всесветного мира // Мирный труд. 1909. № 1. С. 169.

⁹ Цит. по: Иванов А. А. Владимир Пуришкевич. С. 223, 224.

за которую поехали никем не уполномоченные члены русской Государственной Думы, принесет нам только вред», а представители оппозиции, «говорящие там речи любви от имени русского народа — самозванцы, лгут на русский народ, ибо кроме ненависти к Англии, ничего другого к ней русский народ не питает, помня хорошо свое прошлое, которое они успели позабыть»¹⁰.

Вновь к вопросу о выборе союзников на международной арене правые вернулись в начале 1912 г., когда Россию посетила английская делегация. РНСМА посвятил этой проблеме специальное заседание своего руководящего органа — Главной палаты, — состоявшееся 13 января. В ходе этого заседания Ю. С. Карцовым был прочитан доклад, посвященный взаимоотношениям трех империй — Российской, Германской и Британской. Указав на положительные и отрицательные стороны сближения с Германией и Англией, докладчик «пришел к заключению, что Англия, видя для себя опасность, ввиду все усиливающегося торгового значения и морского могущества Германии, ищет сближения с Россией, чтобы тем самым ослабить свою соперницу», поэтому «государственные интересы России требуют союза не с Англией, а с Германией; ибо война России с Германией повела бы к печальным результатам, не только Россию, — но даже и всю континентальную Европу и, мало того, чрезмерно усилила бы господство Англии»¹¹. Доклад, как сообщалось, «вызвал оживленные прения», после которых Главная палата РНСМА отправила главе МИДа С. Д. Сазонову, придерживавшемуся откровенно проанглийской ориентации, телеграмму, в которой выражалась «уверенность, что приезд дорогих гостей (английской делегации. — *И. О.*) есть дело мира, а потому ни в коем случае не повлияет на ухудшение... наших отношений с Германией, в которых Союз видит могучий оплот монархических принципов среди кругов бушующего моря революции...»¹². Вторая телеграмма была отправлена обер-прокурору Св. Синода и выражала опасения по поводу возможного сближения с Англиканской церковью, что «породит опасные смущения в сердцах верных сынов Православной Церкви» и могут возникнуть «ереси, опасные не только для Церкви, но и для государства»¹³.

После визита английской делегации крайне правая газета «Гроза» писала, что, учитывая возрастающую экономическую и военную мощь Германии, в настоящее время у Британии не имеется достаточно сил для сохранения своих колониальных владений, которые будут немедленно потеряны «после первого, даже победоносного столкновения на море» с Германией. В результате Туманный Альбион ищет союзников, чтобы с их помощью ослабить своего главного соперника — Германию, полагая, что последняя является общим врагом и для России, и для Англии. Однако, если немцы в действительности являются для англичан непримиримыми врагами, то «для России они друзья» и разрушать эту дружбу на пользу нашему настоящему врагу — Англии, —

¹⁰ Русское знамя. 1909. 1 июля. № 144.

¹¹ ГАРФ. Ф. 102. 4-е делопроизводство. Оп. 121. 1912 г. Д. 117. Л. 1.

¹² Там же.

¹³ Там же.

в свое время «предательски помогавшей Японии нанести нам поражение», нет никаких оснований, утверждала «Гроза»¹⁴.

Один из отцов-основателей русской школы геополитики А. Е. Вандам (Едрихин) в своей книге «Наше положение», вышедшей в 1912 г., писал: после того как германский император Вильгельм II объявил, что «будущее Германии лежит на море», лозунг этот был воспринят англичанами «как вызов на борьбу не на жизнь, а на смерть»¹⁵, ибо Британская империя «на всякую попытку со стороны других континентальных держав выйти в море смотрела и продолжает смотреть как на посягательство на ее жизненные интересы». Следовательно, сейчас Англия готовится к борьбе «против очередного и последнего из ее серьезных соперников — Германии»¹⁶. «Но так как для серьезного обессиления перво-классной европейской державы одной морской победы над нею совершенно недостаточно, а необходимо глубокое поражение ее на суше, то сама Англия начнет войну (с Германией. — *И. О.*) лишь в том случае, если ей удастся вовлечь в нее Россию и Францию». Однако у Германии и России сходные геополитические задачи, а именно — «жестоко высмеивавшееся Англичанами наше стремление к “теплой воде” и высмеиваемое теперь желание Германцев иметь “свое место на солнышке”», которые, по мнению А. Е. Вандама, «не заключают в себе ничего противоестественного»¹⁷. Таким образом, союз с Англией против Германии не отвечает нашим национальным интересам, а англичанам, присвоившим себе «исключительное право на пользование всеми благами мира... следует и защищать его одними собственными силами», полагал А. Е. Вандам¹⁸.

Прогерманские внешнеполитические ориентиры правых, хотя и не влияли на внешнеполитическую линию русского правительства, тем не менее вызывали недовольство союзников по Антанте, опасавшихся, что рано или поздно не мытьем, так катаньем монархистам удастся изменить настроения в русском Министерстве иностранных дел. Как в своих мемуарах отметил посол Франции в России М. Палеолог, лидеры монархистов (председатель обновленческого СРН¹⁹ и глава правой фракции в Думе Н. Е. Марков 2-й, председатель РНСМА В. М. Пуришкевич, редактор-издатель правого журнала «Гражданин», князь В. П. Мещерский, член-учредитель Русской монархической партии Г. Г. Розен и др.) активно выступали за союз с Германией вплоть до лета 1914 г., надеясь «усилить православный царизм тесным союзом с прусским самовластием».

¹⁴ Гроза. 1912. 20 января. № 306.

¹⁵ Вандам А. Е. Наше положение. СПб., 1912. С. 199, 200.

¹⁶ Там же. С. 198.

¹⁷ Там же. С. 202–204.

¹⁸ Там же. С. 204.

¹⁹ В 1911 г. СРН раскололся на две отдельные организации — собственно Союз русского народа (обновленческий) под руководством сначала А. А. Римского-Корсакова, а затем, с 1912 г. — Н. Е. Маркова 2-го, и Всероссийский дубровинский Союз русского народа, лидером в котором остался первый председатель СРН А. И. Дубровин. Подробнее о причинах раскола СРН см.: *Омельяничук И. В.* «Дом, разделившийся в себе»: раскол Союза русского народа // Российская история. 2021. № 1. С. 124–139.

Причем для смены политического курса монархисты, точнее князь В. П. Мещерский, не стеснялись использовать и столь одиозную фигуру, как Г. Е. Распутин²⁰.

10 мая 1914 г. в разгар «газетной войны»²¹ Н. Е. Марков 2-й заявил, что для англичан «выгодно, чтобы Россия с Германией воевали, ибо они во всяком случае разобьют себе лбы, а Англия будет только усиливаться». По его мнению, «от дружбы с Англией мы реального почти ничего ожидать не можем. А вот дружбу с Германией мы постепенно растрчиваем, и эта дружба не далее японской войны нам давала серьезные доказательства своей реальности, а не фиктивности». Отметив, что Тройственный союз уже заключен и спорить с этим фактом бессмысленно, Н. Е. Марков 2-й в то же время подчеркнул, что в результате всех этих групповых соглашений (Антанта и Тройственный союз) может наступить война и необходимо стремиться хотя бы ослабить те негативные последствия, которые возникли в результате «неправильной группировки», т. е. союза с Англией против Германии, и «посмотреть: нельзя ли эту группировку изменить, — правильнее»²².

Н. Е. Марков 2-й сомневался, что между Россией и Германией имеются неразрешимые противоречия. В частности, он заявил, что в черноморские проливы Россию не пускает отнюдь не Германия и ее генерал Лиман фон Зандерс (глава немецкой военной миссии в Османской империи), «а именно наша дружественная Англия». Соответственно, он ставил под сомнение «саму основу нашей политики, т. е. вот ту группировку тройственного согласия, идущего против тройственного союза». Н. Е. Марков 2-й подчеркивал, что в настоящее время у нас нет причин для войны с Германией, с которой мы жили в мире более ста лет, нужна война между Францией и Германией, между Англией и Германией, «но между Россией и Германией война не нужна ни для России, ни для Германии». Следовательно, настаивал лидер правой фракции, главная задача нашей дипломатии заключается «в возможном отыскании миролюбивого, не нарушающего достоинства ни той, ни другой стороны, не нарушающего взаимных интересов соглашения с Германией»²³. По мнению Н. Е. Маркова 2-го, «это единственный способ избежать ужаснейшей войны, результаты которой никто не может учесть». Скромно назвав себя обывателем, правда имеющим «собственные мозги», Н. Е. Марков 2-й так изложил главный тезис своего доклада: «Я думаю, господа, по-обывательски, что лучше вместо большой дружбы с Англией иметь

²⁰ Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны: пер. с фр. 2-е изд. М., 1991. С. 66, 67, 102.

²¹ «Газетная война» — полемика германских и русских газет весной 1914 г., начало которой было положено публикацией в немецком внешнеполитическом офицозе — газете *Kölnische Zeitung* — статьи, содержащей обвинение России в подготовке совместно с Францией агрессии против Германии не позднее 1917 г. Подробнее см.: Котов Б. С. «Что можно германскому Зевсу...» Образ Германии в русской прессе в период «газетной войны» весны 1914 года // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2011. № 3. С. 87–97.

²² Марков Н. Е. Думские речи. Войны темных сил. М., 2011. С. 100.

²³ Там же. С. 103.

маленький союз с Германией... здесь, мне кажется, мы гораздо легче можем договориться»²⁴. Впоследствии эти слова Н. Е. Маркова 2-го не раз припоминали его политические оппоненты, прерывая выступления лидера правой фракции криками: «Маленький союз с Германией!». Свои идеи Н. Е. Марков 2-й пытался донести и до главы внешнеполитического ведомства С. Д. Сазонова, но получил от него категорический ответ: «Союз с Германией в предположения русского правительства не входит»²⁵.

Излагая свои взгляды на отношения с Германией, лидер правой фракции учитывал еще и внутривнутриполитические соображения. Он напомнил членам Думы слова представителя меньшевистской фракции А. И. Чхенкели, в свое время заявившего, что «третья часть германских солдат — социал-демократы». Поэтому в результате всеобщей войны «государства все могут развалиться, а на месте их явятся Аттилы, имя которым — социал-демократы. Эти Аттилы пожрут все человечество...»²⁶

Приблизительно также объяснял мотивы поиска союза с Германией и правый публицист С. К. Глинка-Янчевский. На страницах «Земщины» он доказывал, что страны, являвшиеся «оплотом христианства и монархических начал» должны быть союзниками «не только во избежание внешних приключений, но и во имя совместного отпора надвигающейся с Запада анархии и отставания своих исторических устоев»²⁷.

Но даже выступая за дружбу с Германией, правые весьма настороженно относились к проживающим в России немцам, особенно сохранившим германское подданство. Современный исследователь Б. С. Котов подчеркивает, что в начале XX в. немцы составляли всего 1,5 % от населения Российской империи, однако «их роль в офицерском корпусе, царской администрации и дипломатии традиционно была очень существенна»²⁸. Вероятно, именно из этих соображений исходили члены Житомирского отдела СРН, когда в декабре 1912 г. потребовали, чтобы в русской армии командирами отдельных частей войска наряду с поляками (которых правые поголовно считали врагами империи) не назначались и немцы, «так как солдаты под командой этих врагов православия и русской народности в религиозно-нравственном и политическом отношении выйдут слишком равнодушные к своему родному отечеству и самодержавному государственному строю, а во время войны окажутся неблагонадежными»²⁹.

Даже В. М. Пуришкевич, один из главных апологетов союза с Берлином, в своей публичной лекции, прочитанной в апреле 1912 г., хотя и «выделил немцев, как, безусловно, преданных династии», но в то же время призвал

²⁴ Марков Н. Е. Указ. соч. С. 103.

²⁵ Иванов А. А. Вождь черной реакции: Николай Евгеньевич Марков. СПб., 2023. С. 325.

²⁶ Марков Н. Е. Указ. соч. С. 104.

²⁷ Цит. по: Иванов А. А. Политические партии России. Конец XIX – начало XX в.: в 3 т. Т. 1. М., 2022. С. 364.

²⁸ Котов Б. С. Образ российских немцев в русской прессе накануне Первой мировой войны // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2011. Т. 13. № 3-2. С. 391.

²⁹ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 104. Л. 45.

отделять от вполне верноподданных балтийских немцев немецких колонистов, «захватывающих путем скупки земли в ряде губерний на Юге России и считающих себя, прежде всего, сынами Германской империи, а не русскими гражданами»³⁰. В. М. Пуришкевич имел основания для таких утверждений. В его родной Бессарабской губернии немцы, составляя 3 % населения региона, владели 11,1 % сельскохозяйственных земель. В Херсонской губернии эти цифры составляли 6,8 и 19,4 %, Екатеринославской — 5,4 и 25 %, Таврической — 8,8 и 38,3 %. Аналогичной была ситуация на Волыни и в Остзейских губерниях. «Немцы — хозяева Прибалтийского края, русские — их слуги, а эсты и латыши — рабы», — возмущалось «Русское знамя» в номере от 22 декабря 1913 г.³¹

В то же время из правого лагеря раздавались голоса, указывающие на усиление антироссийской политики Берлина. Так, один из лидеров думской фракции правых Г. А. Щечков, разделяя в целом взгляды Н. Е. Маркова 2-го, тем не менее «предупреждал правых и их лидера, что прогерманская ориентация обернется, в конце концов, пустой тратой времени и усилий, поскольку Германия определенно готовится к войне с Россией»³². Печатный орган иваново-вознесенских монархистов «Ивановский листок» утверждал, что Германия и Австрия пытаются сформировать «среди малороссов свое особое национальное сознание», стремясь выделить Украину «в особую единицу с широкой автономией и своим языком» и тем самым «расколоть великую Россию»³³. Князь А. Г. Щербатов в своей работе «Государственная оборона России» (1912) доказывал, что «при быстром росте населения и промышленности Германии необходимость расширения во владении есть потребность не условная, а стихийная. Никакие династические симпатии, никакие расчеты на прошлое не могут предотвратить, в известное время, захвата Германией части России, если только к тому представятся благоприятные обстоятельства»³⁴, под которыми князь понимал внутреннюю слабость России и втягивание ее в таком положении «в такую же тяжкую войну, как прошлая — Японская». Доказывая враждебность Германии, он напоминал читателям, что именно она изменила в ущерб России Сан-Стефанский мирный договор, в результате чего были утрачены «все выгоды от победы над турками»³⁵.

В октябре 1912 г. известный историк, член Союза русских людей Д. И. Иловайский на страницах собственного печатного органа — газеты «Кремль» — писал: «Немцы, бывшие сто лет назад раздробленными и слабейшими нас, за это столетие при нашей же помощи объединились, чрезвычайно усилились, высоко подняли свою культуру и свой национализм». Это означает, что

³⁰ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 648. Л. 16.

³¹ Котов Б. С. Образ российских немцев в русской прессе накануне Первой мировой войны. С. 392, 395.

³² Иванов А. А. Вождь черной реакции: Николай Евгеньевич Марков. С. 236.

³³ Ивановский листок. 1912. 25 апреля. № 87.

³⁴ Щербатов А. Г. Православный приход — твердыня русской народности. М., 2010. С. 236.

³⁵ Там же.

в недалеком будущем «Славяно-Русскому миру предстоит неизбежное и страшное с ними столкновение»³⁶.

Начало Первой мировой войны поставило большинство монархистов в сложное положение: чтобы не быть обвиненными в прогерманских настроениях, им пришлось стать большими роялистами, чем король; очень быстро перейти с антианглийских на антигерманские позиции. А В. М. Пуришкевич пошел еще дальше — стал англофилом.

Уже 24 (19 по ст. ст.) июля 1914 г., через пять дней после объявления Германией войны России, «Русское знамя» заявляло, что «“немец” должен быть истреблен до самого корня, чего бы это не стоило. Пусть война длится год, пусть она длится два, но “немец” должен быть истреблен, должен быть приведен в такое состояние, чтобы у него, как у ядовитой гадюки были навсегда вырваны зубы, и он был приведен в безопасное состояние»³⁷. Поводом для таких грозных заявлений газеты стало задержание немцами великого князя Константина Константиновича и его семьи на территории Германии после начала боевых действий. В этом же номере предлагалось интернировать всех немцев, поместив их «на каком-нибудь из островов Северного Океана под надежной охраной». Те же из них, которые считают себя более русскими, чем немцами, пусть «докажут это и завоюют себе честь быть принятыми в русское подданство на поле брани»³⁸.

Спустя два дня «Русское знамя» опубликовало еще одну статью, подводившую итоги 150-летней дружбы России и Германии. По мнению газеты, в результате этой дружбы «Германская империя получила возможность возникнуть, а Пруссия получить гегемонию, и прусский король превратиться в Германского императора... Германия могла в течение 40 лет пользоваться незыблемым миром и широко развивать свою промышленность, торговлю... Благодаря нашей дружбе с Германией ее никто не трогал, и она могла обзавестись множеством колоний, водвориться в Малой Азии, Персии, сесть прочно в Константинополе, выстроить огромный военный, коммерческий, торговый флот, усовершенствовать свое внутреннее оборудование и создать такую промышленность и торговлю, что золото широким потоком полилось в карманы “немца”». Для России же «обязанность исполнять веления дружбы» с Германией принесли совершенно противоположные результаты: «...Мы должны были отдать Германии Малую Азию, пустить ее в Персию, получить целую систему мирного отвоевания у нас всего нашего Юга (немецкими колонистами. — *И. О.*), поднять наше вооружение до огромнейших размеров, а затем наш добрый сосед возложил на нас обязанность кормить и поить его и покупать у него произведения». Таким образом, сокрушалось «Русское знамя», Германия «при сведении баланса нашей дружбы с нею, записывает на свой счет огромную прибыль, а мы... должны записать

³⁶ Кремль. 1912. 12 октября. № 48-50; Первая мировая война в оценке современников: власть и российское общество. 1914–1918: в 4 т. Т. 2. Консерваторы: великие разочарования и великие уроки. М., 2014. С. 55.

³⁷ Русское знамя. 1914. 24 июля. № 166.

³⁸ Там же.

колоссальный убыток». От нашей дружбы «Германия выиграла все, а мы потеряли чрезвычайно много, и только благодаря особому соизволению Божьему, Германии до сих пор не удалось подорвать окончательно наше благосостояние и могущество». Поэтому, заключала газета, это Германия должна сожалеть о прекращении дружбы, «а мы должны только радоваться» тому, что «освободились от столь неестественного и невыгодного положения»³⁹.

До начала войны многие правые весьма позитивно оценивали личность германского императора Вильгельма II, называя его оплотом «против восстания новых гуннов (социалистов и масон)»⁴⁰. В. М. Пуришкевич даже поместил портрет кайзера на своем письменном столе и называл его императором-рыцарем)⁴¹. Однако 31 июля 1914 г. «Русское знамя» уже называло германского монарха Вильгельмом II Безумным. Действия его, утверждала газета, «прямо являются поведением психического больного, сошедшего с ума». Да и оценка собственно немцев у правых радикально изменилась. Они «показали себя с первых же дней вооруженного столкновения такими варварами, такими некультурными людьми, что дальше подобная аномалия не может быть терпима среди европейских государств и должна быть уничтожена», писало «Русское знамя»⁴². Д. И. Иловайский тоже не жалел черных красок для характеристики германцев, сравнивая их, как историк, со средневековыми варварами: «Для большего подобия татаро-монголам им не достает только обозначать свои пути пирамидами из человеческих черепов». При этом он подчеркивал, что «начальники их (немцев. — *И. О.*) не только не удерживают нижних чинов» от варварских поступков по отношению к мирному населению, пленным и раненым, «а еще и поджигают их и служат им примером»⁴³. РСМА после начала войны срочно убрал из партийного устава параграф, выражающий особое доверие немецкому населению империи⁴⁴.

Таким образом, правые, несмотря на их довоенную германофильскую позицию, единодушно выступили за полный разгром Германской империи. В частности, Д. И. Иловайский предлагал «сократить и обезвредить Германскую империю», «упразднить здание Германской империи», «воротить Пруссию к ее... прежнему образу». Кроме того, Германия должна будет заплатить «громадную контрибуцию» и передать России свой флот, что позволит последней вернуть себе звание великой морской державы, утраченное после Цусимы. Часть германских территорий необходимо отторгнуть: Познанская провинция и Южная Силезия, «отойдут к имеющей образоваться автономной Польше. Эльзас и вся Лотарингия будут возвращены Франции. От Дании зависит

³⁹ Русское знамя. 1914. 26 июля. № 168.

⁴⁰ Иванов А. А. Политические партии России. Конец XIX – начало XX в.: в 3 т. Т. 1. С. 364.

⁴¹ Иванов А. А. Владимир Пуришкевич. С. 222, 226.

⁴² Русское знамя. 1914. 31 июля. № 172.

⁴³ Кремль. 1914. 30 декабря. № 56, 57 и 58; Первая мировая война в оценке современников... Т. 2. С. 56–57.

⁴⁴ Степанов С. А. Черная сотня. М., 2005. С. 398.

потребовать себе возвращения северного Шлезвига». Бавария Вюртемберг, Саксония «и разные герцогства возвращают себе прежнюю самостоятельность». Воссоздается и Ганноверское королевство. «Вместе с их самостоятельностью, — полагал Д. И. Иловайский, — может быть возобновлен Германский союз в прежнем своем виде»⁴⁵.

Однако, несмотря на провозглашение «священного единения», либеральная оппозиция, традиционно выступавшая за дружественные отношения с Англией и Францией (не в последнюю очередь из-за их «демократического» государственного устройства), не могла не использовать в борьбе против своих политических оппонентов — консерваторов — неожиданно попавший в их руки козырь — довоенное германофильство правых. По этой причине уже через несколько месяцев после начала войны стали раздаваться обвинения правых в намерении заключения скорейшего сепаратного мира с Германией. В январе 1915 г. правый публицист С. К. Глинка-Янчевский сообщил, что в конце предыдущего года «один из самых вертлявых сотрудников» умеренно-правой (!) газеты «Киевлянин», представитель Всероссийского национального союза А. И. Савенко «пустил в ход гнуснейшую клевету, будто кто-то из “крайних правых кругов” составил записку, в коей рекомендуется ни более, ни менее как... “капитуляция перед Германией”!!»⁴⁶.

В феврале 1915 г. уже Департамент полиции МВД агентурным путем получил информацию о том, что «принадлежащие к русским придворным сферам немцы при участии Распутина стремятся оказать давление на правые фракции Гос. Думы в смысле побуждения последних к активной агитации в пользу прекращения военных действий при содействии и члена Думы Пуришкевича»⁴⁷. Якобы к этому движению примыкает и доктор А. И. Дубровин. Для реализации этого замысла, говорилось в полицейском документе, должна быть создана какая-то новая политическая организация, которая будет вести агитацию в нужном направлении сначала среди раненых нижних чинов, а затем и среди солдат действующей армии. Департамент полиции объяснял и мотивы таких действий правых, которые якобы опасались, «что окончательный разгром Германии вызовет в последней государственный переворот, который в свою очередь неблагоприятно отразится и на монархических устоях в России, где под влиянием соседней Германской республики может тогда же вспыхнуть вторичное революционное движение»⁴⁸.

Думается, что информация полиции весьма далека от действительности. А. И. Дубровин и В. М. Пуришкевич, давно и основательно рассорившиеся, в феврале 1915 г. еще не готовы были к примирению и сближению своих позиций. И уж во всяком случае оба категорически выступали против каких-либо

⁴⁵ Кремль. 1914. 30 декабря. № 56, 57 и 58; Первая мировая война в оценке современников... Т. 2. С. 58.

⁴⁶ Вестник Союза русского народа. 1915. 31 января. № 208; Первая мировая война в оценке современников... Т. 2. С. 122.

⁴⁷ Цит. по: Правые партии. Документы и материалы. Т. 2. 1911–1917. М., 1998. С. 663.

⁴⁸ Цит. по: Там же. С. 664.

контактов с Распутиным. А новая организация — это созданный летом 1915 г. Отечественный патриотический союз (ОПС), вокруг которого правительство надеялось инициировать объединение правых политических сил. Но так как устав ОПС допускал прием в ряды Союза «инородцев», в том числе и евреев, то ортодоксальные черносотенцы обвинили его лидеров, В. Г. Орлова и В. М. Скворцова, в измене правому делу, и надежды, возлагаемые правительством на новую монархическую организацию, не оправдались. Тем не менее мнение о том, что монархисты выступают за сепаратный мир с Германией, получило широкое распространение. Так, печатный орган Дубровинского союза — газету «Русское знамя» — оппозиция насмешливо именовала «Прусским знаменем»⁴⁹. А архангельские монархисты сообщали А. И. Дубровину, что военный цензор «не советывал выписывать Русское Знамя говоря что неметскими деньгами пахнет»⁵⁰ (орфография оригинала сохранена. — *И. О.*).

Первый публицист С. К. Глинка-Янчевский выступил в защиту монархистов, доказывая, что правые всегда действовали в интересах России в отличие от либеральной оппозиции, которую он именовал «иудопокорные партии». Например, именно монархисты до войны поддержали «проект Столыпина о восприятии германским подданным приобретать земли в юго-западных губерниях. Единомышленники же Милюкова провалили этот проект». До войны правые группы в Думе «настаивали на усилении нашей обороны, на увеличении числа корпусов, на ускорении перевооружения... Против всего этого всегда возражали единомышленники Милюкова и Шингарева». Председатель правой фракции «Марков 2-й указывал на опасность хранения громадных сумм свыше 800 миллионов за границей», но все те же «иудопокорные партии не пожелали поддержать» его, и если бы министр финансов П. Л. Барк «не озаботился извлечь» из берлинских банков «наши сотни миллионов», то они были бы конфискованы⁵¹.

В октябре 1915 г. Н. Д. Облеухов (писавший под псевдонимом П. Ухтубужский) опубликовал в «Русском знамени» статью с характерным названием «Где надо искать германофилов?». В ней он заявил: «Отвергнув клеветническое обвинение в германофильстве, мы, монархисты, не можем, однако, считать вопрос исчерпанным», имея в виду «вопрос о том, есть ли у нас германофилы, а если есть, где их искать». Н. Д. Облеухов не отрицал, что «германофилы у нас имеются и притом в презрительном количестве». Однако искать их он предлагал «не там, где их ищут (а вернее, делают вид, что ищут) прислуживающие прогрессивной крамоле газеты», т. е. не среди монархистов. «Денежная буржуазия и примыкающие к ней общественные классы — вот главная твердыня и оплот нашего германофильства», — утверждал Н. Д. Облеухов⁵².

Организованное обновленцами Петроградское монархическое совещание, проходившее 21–23 ноября, в ответ на предъявляемые правым обвинения

⁴⁹ См., напр.: *Ленин В. И.* ПСС. 5-е изд. Т. 27. М., 1961. С. 298.

⁵⁰ Цит. по: *Степанов С. А.* Указ. соч. С. 400.

⁵¹ Вестник Союза русского народа. 1915. 31 января. № 208; Первая мировая война в оценке современников... Т. 2. С. 122–124.

⁵² Первая мировая война в оценке современников... Т. 2. С. 197, 198.

в германофильстве, приняло резолюцию «Все для победы», в которой заявило, «что по единодушному глубокому убеждению нашему война, не взирая на все причиняемые бедствия, не может, не должна иметь окончания ранее разгрома Австро-Германских полчищ и одержания над исконным врагом святой Руси полной и решительной победы». Также монархисты заявили о «своей твердой единодушной решимости нести до конца все жертвы, которых только потребует защита великого Отечества»⁵³. Дубровинцы на своем совещании, проходившем 26–29 ноября того же года в Нижнем Новгороде, «единогласно и всецело присоединились к постановлениям Петроградского совещания монархистов» и постановили указать правительству, что многие левые газеты «ежедневно печатают заведомо лживые сведения о тенденциях к сепаратному миру, чем вселяют в население крайнюю тревогу и вызывают опасные брожения, которые доходят до нашей самоотверженной армии». По мнению участников совещания, «такие поступки должны караться по законам военного времени»⁵⁴. Собравшиеся в Нижнем Новгороде огромным плюсом проведенных в ноябре 1915 г. монархических совещаний назвали «то обстоятельство, что искренние русские речи и полные государственной мудрости решения свели окончательно на нет питаемую левым лагерем отвратительную по своему цинизму легенду о приверженности монархических организаций к тевтонофильству и кайзеру Вильгельму... Теперь все измышления шептунов ушли в подполье...»⁵⁵.

Однако это заявление было слишком оптимистичным. Оппозиция не отказывалась от своих клеветнических обвинений⁵⁶. В марте 1916 г. видный правый деятель, адвокат П. Ф. Булацель выразил возмущение картинкой, размещенной на страницах «Вечернего времени», на которой все редакторы и издатели петроградских газет были «изображены играющими гимны в честь Германии» и только суворинские «Новое время» и «Вечернее время» боролись с «немецким засильем». П. Ф. Булацель доказывал, что представители либеральной оппозиции — издатель Суворин, журналисты К. П. Медведский и А. А. Пиленко, а также лидер кадетов П. Н. Милюков — исключительно из соображений политической выгоды обвиняли «Н. Е. Маркова и других правых членов Государственной Думы в том, что они будто бы друзья Вильгельма». Он заявлял, что такая картинка рассчитана на газетных читателей с короткой памятью, поэтому и «нет надобности защищать Маркова, Замысловского и других правых членов Думы в этом отношении, ибо вымысленность этого против них обвинения вполне очевидна»⁵⁷.

⁵³ Совещание монархистов, 21–23 ноября 1915 года в Петрограде: постановления и краткий отчет. М., 1915. С. 28.

⁵⁴ Правые партии. Документы и материалы. Т. 2. С. 513, 515–516.

⁵⁵ Там же. С. 504.

⁵⁶ А. А. Иванов и А. В. Репников также утверждают, что «цель этих обвинений была сугубо политической — использовался любой повод, который мог послужить дискредитации политического противника». (См.: *Иванов А. А., Репников А. В.* Русские правые в годы Первой мировой войны // Вопросы истории консерватизма. 2015. № 1. С. 316.)

⁵⁷ Первая мировая война в оценке современников... Т. 2. С. 286; *Булацель П. Ф.* Борьба за правду. М., 2010.

Тем не менее сам П. Ф. Булацель не раз давал повод для обвинений, если не в германофильстве, то в англофобии, что в тех условиях было практически тождественно. Издаваемый им журнал «Русский гражданин» (название — явная отсылка к консервативному журналу германофила В. П. Мещерского «Гражданин», выходявшему в 1872–1914 гг.) на своих страницах размещал статьи, доказывающие, что именно Великобритания является главным поджигателем и бенефициаром Первой мировой войны и что проанглийский курс русского правительства может со временем превратить Россию в английскую колонию⁵⁸. Например, в мае 1916 г. П. Ф. Булацель выразил возмущение намерением союзников «лишить Германию по окончании войны на веки вечные ввоза сырья из тех стран, с которыми Германия теперь ведет войну». Он признавал, что «наказание это для немцев будет очень чувствительно» и что «англичане, избавляясь от соревнования германских покупателей нашего сырья, много выиграют». Однако какая от этого польза России, которая потеряет немецкий рынок? Нужно ли русскому правительству соглашаться «на такой способ наказания, который уподобится железной цепи, один конец которой больно ударит по Германии, а другой конец еще большее ударит по России?» В июле П. Ф. Булацель выразил удовлетворение по поводу ухода с поста министра иностранных дел С. Д. Сазонова, «друга сэра Бьюкенена и П. Н. Милюкова», которого он называл «приказчиком из Лондона»⁵⁹.

В конце концов такая линия «Русского гражданина» спровоцировала международный скандал, в центре которого оказался редактор-издатель журнала П. Ф. Булацель. В июле 1916 г. глава английского кабинета Г. Асквит заявил о своем намерении привлечь к ответственности за военные преступления всех виновников, в том числе и кайзера Вильгельма II. П. Ф. Булацель выступил категорически против международного трибунала «из парламентских дельцов и адвокатов, которым будет отдан на суде сам венценосный глава Германской империи». При этом он предвидел «маленькое затруднение» для англичан, «а именно, добровольно император Вильгельм на суд г. Асквита не явится, и, следовательно, надо будет принять меры “принудительного привода подсудимого на суд в Лондон”». А так как осуществить эту меру собственными силами англичане будут не в состоянии, то малопочтенная «роль судебного пристава, который потащит в Лондон коронованных германских принцев для утех лондонской черни, будет возложена на Россию»⁶⁰.

П. Ф. Булацель утверждал, что германский народ «не выдаст своего императора до тех пор, пока в Германии останется хоть один вооруженный солдат» и, значит, Британия не хочет закончить войну заключением Россией «выгодного и почетного» мира с побежденным врагом и попытается навязать ей «недостойную роль воевать до бесконечности, до полного истребления всего соседнего вооруженного германского народа». Кроме того, привлечение к ответственности

⁵⁸ Об этом также см.: *Стогов Д. И.* Предисловие // Булацель П. Ф. Борьба за правду. М., 2010. С. 18.

⁵⁹ Первая мировая война в оценке современников... Т. 2. С. 290, 292.

⁶⁰ *Булацель П. Ф.* Указ. соч. С. 561.

коронованных особ он квалифицировал как вмешательство во внутренние дела, т. е. нарушение норм международного права. По мнению П. Ф. Булацеля, «ответственность за грехи верховного управления приписывать личной вине монарха» можно было только «в средневековых государствах, живших весьма несложной жизнью». Теперь же «жизнь европейских государств усложнилась до чрезвычайности, служение огромному числу общественных потребностей возлагается непосредственно на подчиненные монарху правительственные места и учреждения»⁶¹. Следовательно, нельзя обвинять германского императора за «поступки и деяния, которые совершают различные правительственные места и должностные лица Германии». Все эти газетные рассуждения о будущем суде над Вильгельмом II П. Ф. Булацель объяснял «желанием через голову “кайзера” приучать в России народные толпы к мысли о возможности вообще какого-то “верховного суда” над верховной властью»⁶², т. е. подготовкой России к революции⁶³.

Публикация в «Русском гражданине» вызвала бурю в оппозиционной печати. «Все газеты, начиная от “Нового времени” и кончая “Копейками” и “Вечерним временем”, всячески изошрялись во всевозможных искажениях смысла этого моего злополучного дневника», — констатировал П. Ф. Булацель. Он вынужден был заявить, что защищает не Вильгельма, а «совсем что-то другое», что никогда ни одной строчки не написал против Франции, к которой питает самые искренние симпатии⁶⁴. Тем не менее британский посол в России Дж. Бьюкенен заявил протест, и редактор-издатель «Русского гражданина» вынужден был принести официальные извинения. Из правых только В. М. Пуришкевич однозначно осудил П. Ф. Булацеля, исключив его из рядов РНСМА и отправив Дж. Бьюкенену телеграмму, в которой назвал Британию великим и доблестным союзником⁶⁵. Как видим, монархисты публично никогда не выступали за заключение сепаратного мира с Германией, но зато регулярно выступали в защиту «монархического принципа» и высказывали опасения по поводу чрезмерного усиления Британской империи за счет русского народа.

Заключение. Таким образом, несмотря на то что внешняя политика относилась исключительно к прерогативе царя, правые весьма активно высказывались по вопросам международной проблематики. Большинство монархистов являлись противниками сближения с Францией и в особенности с Англией, не без оснований опасаясь втягивания России в военный конфликт с Германией,

⁶¹ Булацель П. Ф. Указ. соч. С. 563.

⁶² Там же.

⁶³ Следует отметить, что монархисты всегда выступали против нарушения «монархического принципа» и ареста с привлечением к суду коронованных особ. Так, «Русское знамя» в самом начале войны с негодованием писало: «Мы не удивимся, если завтра телеграф нам сообщит, что “немец” в качестве военнопленных повез в Берлин короля бельгийского и королеву нидерландскую...» (См.: Русское знамя. 1914. 24 июля. № 166.)

⁶⁴ Первая мировая война в оценке современников... Т. 2. С. 295, 296.

⁶⁵ Иванов А. А. Владимир Пуришкевич. С. 225.

следствием которого станет укрепление мировой гегемонии Британской империи за счет интересов России и возможная революция в последней, как это было во время неудачной Русско-японской войны. Правые считали более выгодным сближение с последним оплотом «истинного монархизма» — кайзеровской Германией, — аргументируя этот союз отсутствием геополитических противоречий между двумя странами (Германия не воспользовалась ослаблением России в период Русско-японской войны); взаимовыгодным экономическим сотрудничеством (Россия продавала Германии сырье и сельскохозяйственную продукцию, покупая у нее промышленные товары); династической близостью (представители династии Романовых почти два столетия находили себе невест в Германии); а также сходством государственного устройства обеих империй. Эту позицию отстаивали преимущественно партийные лидеры (А. И. Дубровин, Н. Е. Марков 2-й, В. М. Пуришкевич, П. Ф. Булацель и др.), а также правые публицисты (В. П. Мещерский, С. К. Глинка-Янчевский, М. Ф. Таубе, Н. Д. Облеухов и др.). Однако, выступая за дружбу с Германией, сторонники этой линии высказывали опасение по поводу «захвата» русских земель немецкими колонистами на Юго-Западе и в Поволжье, а в Прибалтике — остзейскими баронами.

В то же время отдельные голоса в монархическом лагере указывали на развитие германского империализма, жаждавшего новых колоний и рынков, и предупреждали, что Россия может стать одной из первых жертв германской агрессии. Этой точки зрения придерживались в основном правые интеллектуалы (А. Г. Щербатов, Ф. С. Хлеборад, Г. А. Шечков, Д. И. Иловайский) и оказавшийся в их рядах председатель Союза русских людей, князь А. Г. Щербатов. Но эти голоса были в явном меньшинстве, что вызывало определенное беспокойство Англии и Франции, опасавшихся влияния на правительственный курс многочисленных прогермански настроенных монархистов.

С началом войны правые вынуждены были повернуть на 180 градусов свой внешнеполитический фронт и заявить о необходимости полного разгрома Германии и абсолютной поддержке союзников по Антанте. Теперь Германская империя в правой публицистике представала воплощением мирового зла, а немцы во главе со своим кайзером — средневековыми варварами, грубо нарушающими обычаи и законы войны. Причем этот поворот им пришлось совершить в предельно короткие сроки, что, безусловно, не могло не отразиться на политической репутации правых, дав в руки их оппонентам довольно эффективное оружие — обвинение в германофильстве, а значит, и в пособничестве врагу. С конца 1914 г. их политические противники, поддержанные, как это ни странно, Департаментом полиции, утверждали, что правые выступают за заключение сепаратного мира с Германией. Особенно часто подобные обвинения раздавались по адресу крайне правых дубровинцев. Поводом к ним было не столько якобы сохранившееся с довоенных времен германофильство монархистов, сколько их выступления против слишком проанглийского курса правительства, чреватого для России ее превращением в британскую

колонию. Других предлогов усомниться в своем патриотизме правые не давали⁶⁶. Но это не помешало оппозиции постоянно усиливать обвинения, особенно после неудач на фронте весны – лета 1915 г., когда либеральная оппозиция сменила лозунг «Священное единение» на другой — «Патриотическая тревога», — выражающий сомнение в способности действующей власти довести страну до победы. Ну а потом последовал лозунг «Штурм власти», откровенно провозглашающий намерение либералов свергнуть монархию. И здесь дискредитация правых давала оппозиции заметные преимущества. Либералам, наверно, впервые в истории удалось осуществить революционный захват власти под патриотическими лозунгами, убедив общественность воюющей страны в отсутствии патриотизма у своих политических противников. Кроме того, им удалось убедить и союзников — Англию и Францию — в том, что угроза заключения сепаратного мира и выход России из войны реальны, так как за это якобы выступают довольно влиятельные политические силы — правые партии, придворная камарилья и даже часть правительства. Последнее обеспечило Февральскому перевороту 1917 г. полную поддержку Антанты.

Литература

1. Иванов А. А. Владимир Пуришкевич: Опыт биографии правого политика (1870–1920). М.; СПб.: Альянс-Архео, 2011. 442 с.
2. Иванов А. А. Вождь черной реакции: Николай Евгеньевич Марков. СПб.: Владимир Даль, 2023. 639 с.
3. Иванов А. А. Политические партии России. Конец XIX – начало XX в.: в 3 т. Т. 1. Консервативные партии. М.: Политическая энциклопедия, 2022. 599 с.
4. Иванов А. А., Репников А. В. Русские правые в годы Первой мировой войны // Вопросы истории консерватизма. 2015. № 1. С. 308–333.
5. Котов Б. С. Образ российских немцев в русской прессе накануне Первой мировой войны // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2011. Т. 13. № 3-2. С. 391–398.
6. Котов Б. С. «Что можно германскому Зевсу...» Образ Германии в русской прессе в период «газетной войны» весны 1914 года // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2011. № 3. С. 87–97.
7. Омелянчук И. В. «Дом, разделившийся в себе»: раскол Союза русского народа // Российская история. 2021. № 1. С. 124–139. DOI: 10.31857/S086956870013449-4
8. Степанов С. А. Черная сотня. 2-е изд., доп. и перераб. М.: ЭКСМО; Яуза, 2005. 544 с.
9. Стогов Д. И. Предисловие // Булацель П. Ф. Борьба за правду. М.: Институт русской цивилизации, 2010. С. 5–29.

⁶⁶ С. А. Степанов также считает, «что лидеры черной сотни, вне зависимости от своих личных пристрастий, в годы войны не предприняли никаких шагов, которые могли быть истолкованы как пособничество врагу». См.: *Степанов С. А.* Указ. соч. С. 400.

References

1. Ivanov A. A. Vladimir Purishkevich: Opyt biografii pravogo politika (1870–1920) [Vladimir Purishkevich: Experience in the biography of a right-wing politician (1870–1920)]. Moscow; St. Petersburg: Al'ians-Arkheo, 2011. 442 p. (In Russ.).
2. Ivanov A. A. Vozhd' chernoï reaktsii: Nikolai Evgen'evich Markov [Leader of the black reaction: Nikolai Evgenievich Markov]. St. Petersburg: Vladimir Dal', 2023. 639 p. (In Russ.).
3. Ivanov A. A. Politicheskie partii Rossii. Konets XIX – nachalo XX v.: v 3 t. T. 1. Konservativnye partii [Political parties of Russia. The end of the XIXth – the beginning of the XXth century: in 3 vols. Vol. 1. Conservative parties]. Moscow: Politicheskaia entsiklopediia, 2022. 599 p. (In Russ.).
4. Ivanov A. A., Repnikov A. V. Russkie pravye v gody Pervoi mirovoi voiny [Russian right-wingers during the First World War] // Voprosy istorii konservatizma [Questions of the History of Conservatism]. 2015. № 1. P. 308–333. (In Russ.).
5. Kotov B. S. Obraz rossiiskikh nemtsev v russkoi presse nakanune Pervoi mirovoi voiny [The image of the Russian Germans in the Russian press on the eve of the First World War] // Izvestiya of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 2011. Vol. 13. № 3-2. P. 391–398. (In Russ.).
6. Kotov B. S. «Chto mozhno germanskomu Zevsu...» Obraz Germanii v russkoi presse v period «gazetnoi voiny» vesny 1914 goda [“What is permitted to German Zeus...” The image of Germany in the Russian press during the “newspaper war” in the spring of 1914] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriia i politicheskie nauki [Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences]. 2011. № 3. P. 87–97. (In Russ.).
7. Omelyanchuk I. V. «Dom, razdelivshiisia v sebe»: raskol Soiuza russkogo naroda [“A house divided against itself”: the split of the Union of the Russian People] // Rossiiskaia istoriia [Russian History]. 2021. № 1. P. 124–139. DOI: 10.31857/S086956870013449-4 (In Russ.).
8. Stepanov S. A. Chernaia sotnia [Black Hundred]. 2-e izd., dop. i pererab. Moscow: EKSMO; Iauza, 2005. 544 p. (In Russ.).
9. Stogov D. I. Predislovie [Preface] // Bulatset' P. F. Bor'ba za pravdu. Moscow: Institut russkoi tsivilizatsii, 2010. P. 5–29. (In Russ.).